

JAYNE ANNE PHILLIPS

Night Watch

A large, stylized, dark blue cursive signature that reads "Jelle". The letters are fluid and interconnected, with a prominent vertical stroke in the middle.

ALFRED A. KNOFF, NEW YORK, 2023

Джейн Энн Филлипс
Ночной страж

Роман

Перевод с английского

Letter

BELLES LETTRES

Москва, 2025

Ночной страж : [роман] / Филлипс Джейн Энн ; Пер. с англ. — М. : Альпина Паблишер, 2025. — 419 с.

ISBN 978-5-9614-9976-6

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru.

ISBN 978-5-9614-9976-6 (рус.)
ISBN 978-045-1493-330 (англ.)

© Издание на русском языке,
перевод, оформление.
ООО «Альпина Паблишер», 2025

Моим дедушкам

Уорику Филлипсу (15 сентября 1886–1 августа 1919)
из Роринг-Крик, Западная Вирджиния

Джеймсу Уильяму Торнхиллу
(31 июля 1867–21 августа 1943)

из Бакхэннона, Западная Вирджиния
и «двоюродной бабуле Дженни» моей бабушки Грейс
Бойд Торнхилл, которая в 1865 году дождалась мужа
из печально известной ричмондской тюрьмы Либби

Мне интересно все, что способно запустить и подстегнуть процесс выхода из отчуждения.

Тони Моррисон.

Игра в темноте: белизна и литературное воображение

Западную Вирджинию давно пора признать отдельным штатом. Восток всегда считал эту область, расположенную к западу от гор, неким внешним довеском... подопечной территорией... Наш штат — порождение бунта, однако мир, процветание и счастье, наше и... всей страны, [зависит] от своевременного пресечения попытки свергнуть правительство наших отцов; я считаю своим долгом сразу же по окончании церемонии двинуться на помощь представителям федералов, пытающимся пресечь эти разрушительные действия.

ГУБЕРНАТОР АРТУР БОРМАН.

Инаугурационная речь в штате Западная Вирджиния.

Уилинг, Западная Вирджиния, 20 июня 1863 года

Я не могу пересказать и половины тех ужасов, которым стал свидетелем, впрочем, они, в силу своей обыденности, уже не внушают мне ужаса.

ЛЕЙТЕНАНТ ЧАРЛЬЗ ХАРВИ БРЮСТЕР.

Десятый массачусетский пехотный полк, май 1864 года;

Гражданская война: последний год, свидетельства участников,

под ред. Арона Шихана-Дина

А я говорю, она у нас внутри, вся война.

Денис Джонсон. *Дымовое древо*

ЧАСТЬ I

1874

Одно из самых прискорбных следствий душевных болезней состоит в том, что пациентов на время лечения зачастую приходится разлучать с семьями; ибо удобства и роскошь, плоды богатства и нежнейшего отношения, как правило, не способны им помочь... Простейшие понятия об элементарной гуманности должны обязывать каждый штат проявлять заботу обо всех душевнобольных, проживающих на его территории... особенно из числа бедных.

Доктор Томас Стори Киркбрайд, 1854
*О строительстве, организации и обустройстве лечебниц для
душевнобольных*

КонаЛи

ПОЕЗДКА

Апрель 1874 года

Я залезла в повозку, Папа меня посадил рядом с Мамой, мы все трое на одном поперечном сиденье.

За руку ее держи, сказал он мне, как она любит. Сиди, не ерзай. И ей не давай.

Я заметила, как он наклонился и привязал Мамину лодыжку к своей. Мне было жарко, потому что Папа велел надеть капор, чтобы кожа не обветрилась и у глаз морщинки не пошли. На случай, если из меня всё же выйдет толк.

Ты с ней говори, велел Папа. Скажи, ей там понравится. Славное место, богатое, прямо замок с часовой башней. Вот прям так ей и скажи.

Мама, тебе там понравится, сказала я. Место богатое, прямо как замок, весь из камня.

Про пальмы тоже скажи.

Там пальмы в горшках растут, Мама, и диваны из бархата, как в городской гостинице.

Только Мамой ее не зови, велел Папа. Не видишь, что ли, как она одета?

Платье это ему отдал один вдовец — сложил в саквояж одежды, какие от жены остались: шелковое исподнее, нижние и верхние юбки, атласный корсаж и жакет с рукавами-буфами, сетку для волос с перламутровым гребнем. Мамины темные волосы соседка заплела и собрала в узел, как на картинке из «Дамского журнала Годая», которая у нас висит на стенке.

Знаешь же, как ее звать, сказал Папа. Не запутайся.

Ты велел ее называть мисс Дженет. Хотя это и не ее имя.

Теперь ее. От старого ей одни беды. Приличная дама, одна на свете. Давай, зови ее по имени.

Сейчас, минутку. Надо отдышаться.

Я все-таки положила ладонь поверх ее ладони. Она так вцепилась себе в коленку, что я чувствовала, как дрожит рука. Я сама совсем запыхалась, пока относила дитенков соседкам. Одна согласилась взять старшенького, потому что он уже ходит и говорит, и к нему близнеца, чтобы два

мальчика получилось. Другая обещалась взять близняшку, и к этой пришлось идти отдельно, еще и тащить тележку с мукой и солью. Мы же вроде как не на один день, если нам в самый Уэстон. Папа сложил вещи в ранец, взял себе постель-скатку. Я прихватила свой кожаный мешочек с красивыми пуговицами, пристроила его под шерстяную кофту. Штаны надела, как когда кур хожу кормить.

Папа, а кто будет кур кормить, пока мы в отъезде, и яйца собирать?

Эта, соседка, сказал Папа. Которая близняшку взяла.

Имен Мама дитенкам так и не дала. Мы их называли попросту дитенками, а она всех троих кормила грудью. Близнецам было всего три месяца. Я отсчитывала недели, перечеркивала каждое воскресенье с первого февраля. Как раз тогда мы с Папой помогли Маме разродиться и он перерезал каленым ножом пуповины. Никто не пришел нам помочь. Даже Деввла, старушка-соседка, которая живет кряжем выше, — Папа ей запретил приближаться к нашему дому. Из рта у Мамы вылетали вой, звуки и слова. Я все надеялась, что она опять заговорит как прежде, до Папиного появления, оно теперь кажется совсем давно. Но слов я от нее так и не дождалась, да и с кровати она не встала. Я ей носила младенцев из ящичков комода, которые выстлала одеялами. Молока у нее было хоть залейся, грудь как камень и из лифа вываливается, ну я и оставляла дитенков в кровати, пусть сосут. Старшенький уже сам пошел, но тоже залезал подкормиться.

На дороге все время то солнце, то тень, то солнце, то тень. Ранняя весна, на самых высоких соснах еще изморозь.

Ты с ней говори, сказал Папа, я ж тебе велел.

Там часовая башня, весь город по ней время сверяет, сказала я Маме. Большая лужайка и пруд с рыбами. Дорожки и клумбы.

У нас тогда была корова, я давала Маме молока, вбив туда яйцо. Ей случилось произнести слово, прямо совсем отчетливо. Звон, говорила она, или гусь. То ли это была игра вроде «камень-ножницы-бумага». То ли ей хотелось позвонить в колокольчик. Я ей принесла один со сбруи в сарае, но она его сразу отложила в сторону. Гуся у нас не было. Мне и так забот хватало: менять пеленки, замачивать, стирать, развешивать, флагами на веревке у крыльца.

Ее имя, сказал Папа.

Мисс Дженет, вам понравится гулять по аллеям. Там живут приличные дамы. Папа говорит — у каждой своя комната. Как в гостинице. Можно отдохнуть. Никаких дел по хозяйству. Хлеб прямо из печи, с маслом. Там своя пекарня и молочная, покупают у фермеров свежие продукты. Кукурузу, помидоры, мясо.

Дел по хозяйству Мама и так никаких не делала, уже давным-давно. Пока мы ехали, она качала головой, медленно наклоняя лицо то в одну сторону, то в другую. Сережки, которые я нашла у нее в кармане жакета, были с кисточками, подходившими по цвету к корсажу платья,

она чувствовала, как золотые ниточки щекочут подбородок. Плечи она расправила, да так и застыла — ни за что, мол, не встанет и не пойдет, куда поведешь, — и вид у нее от этого был гордый. Будто ничто ее не касается. Наверное, он потому так все и придумал, а еще потому, что вдовец решил раздать женину одежду. И потому что корова издохла. Корову я застала на коленях, не было уже времени бежать на кряж к Дервле за кореньями или вытяжкой из мозговых костей. Папы вечно не было дома, он из города возвращался только к вечеру, привозил керосину, хлеба и сыра. А бывало, что уходил в лес, охотился. На кроликов, фазанов, индюков. Одежду он раздобыл в городе. Прямо ко времени, сказал он, а потом все сразу и закрутилось, мы пристроили дитенков, чтобы она могла отдохнуть.

Мы будем тебя навещать, мисс Дженет, сказала я. И дитенков привезем. Принарядим и привезем тебе показать. Ты отдохни, пока они подрастут.

О дитенках пока не переживай, сказал Папа. И стал насвистывать.

Я прислонилась к Маме, головой к плечу, а она прислонилась ко мне, лицом к макушке. Мы так иногда спали ночью. Ей нравилось, чтобы подушки были сзади и чтобы я лежала при ней — и подавала дитенков. Повозку покачивало, и я уснула, сны закрутились дымками, обрывками того, что она хотела мне сказать, да сил не хватило. Так мы и спали, сомкнувшись, как створки раковины, а солнце опускалось все ниже, и с полей наползали

по-летнему теплые сумерки. Хотя на дворе был апрель, и я это помнила, и тут повозка закачалась и заскрипела, потому что он съехал с дороги. В те времена, ежели кто выезжал из нашей горной глуши, останавливались не при дорогах, а в сторонке, подальше от глаз. Я почувствовала, что мы въехали в тень бука, и открыла глаза, бук такой большой, крона раскинулась, будто крыша циркового шатра, длинные пятнистые ветки свесились до самой земли. Свежая травка под буком была зеленой и мягкой, прямо как в сказке.

Вот бы нам тут пожить, сказала я.

Он застопорил повозку, пустил лошадь пастись. Потом залез ко мне, переложил Маму назад. Дал мне пакетик сушеных яблок. Сказал, это тебе на ужин. Сиди, смотри вперед. И ни звука.

Я почувствовала, как он положил ее, покопошился, услышала, как он распускает ей корсаж. Я туда напихала чистых тряпочек, пеленок, какие еще от дитенков остались. А то ж дорогое платье молоком перепачкается. Он туда и полез. А дитенки будут без нее плакать. Я услышала, как она тихо выдохнула с облегчением — я раньше такое слышала, когда они насосутся. Бледные кулачки блуждали по ее груди, потом пальчики раскрывались, а сейчас по ней елозили его руки и губы, тоже чтобы насытиться. Лицо у меня горело. Я ничего перед собой не видела и, кажется, слышала плач деточек где-то над полями. Ветки бука шелохнулись в одном месте, потом в другом, скрывая все из виду. А потом повозка начала

раскачиваться, и мне захотелось слезть. Я шевельнулась, но тут услышала его хриплый шепот: *Тихо*. Не поняла, кому это он, ей или мне. Мне порой виделось, как все кругом плывет, а потом вдруг делается плотным, отчетливым и странным. Вот и сейчас нити семян мерцали в обвисших гроздьях, приподнимая крону дерева зыбучей волной, про которую я знала: она существует только в моем зрении. Потом поля зазолотились, травинки вспыхнули, сделались четкими. Блестящие лезвия тянулись к закату, тянули его вниз, озаряли все красным, синим и снова красным, а потом белая вспышка внутри этих красок пронзила меня насквозь.

Когда я проснулась, оказалось, что он переложил меня поближе к Маме, а в небе чернота. Ее голова у меня на груди была теплой и твердой, как нагретый на солнце камень. Я подумала, не лихорадит ли ее, но это я продрогла, потому что не двигалась, а в голове все успокоилось. Мне случалось так провалиться в сон и проснуться на том же месте, только время успевало ускользнуть, когда немножко, когда побольше. Время ушло, а я не заметила. Вокруг пустота, но плавучая, наполненная, и всей боли конец. Дервля говорила, что это теперь у меня потребность такая, что до появления Папы я никогда так не «отдыхала». Я проснулась в таком покое, что и двигалась разве что в мыслях. Над нами сплошные

звезды, одни лишь звезды в чернильной тьме, а мы опять на дороге. Тут я начала падать вверх, в ночное небо, а оно убежало прочь, поворачиваясь, будто чашка. Ручку Ковша пересекла падающая звезда. Я увидела пояс Ориона и отодвинула ее в сторону, чтобы сестра и поглядеть на Бетельгейзе и Беллатрикс. Я знала все созвездия, если смотреть от одного к другому, видеть их целиком, как картинки на тарелке.

Тут он позвал меня к себе. Иди сюда, сказал, Коннолли.

Я села с ним рядом. От холода меня трясло, я натянула шерстяную кофту. Сказала ему: надо мне было одеться понаряднее.

И так хорошо, ответил Папа.

Мы ехали по голому холму, поля, насколько видно, лежали плоские, лысые. Кто-то пустил по ним пал — зерно изничтожил, солому оставил. Пал вместо жатвы. Может, в зерне завелся какой жук или грибок — потом и следующий урожай будет потравлен. Фермеры такие поля поджигали факелами. Тому, похоже, уже несколько дней, но дождя не было, запах остался. Пахло подгоревшей жареной кукурузой, сырой почвой, землистый запах висел на тумане с росой в подпаленном воздухе. Дорога пусто катилась сквозь, пыльная, желтая от света луны.

Сразу Войну вспоминаешь, сказал Папа. Одиноко оно, когда все выжжено и мертво до самого горизонта. Мы так и делали, палили их подчистую.

А они палили нас, сказала я.

Это верно, сказал он, но вас так и не сыскали там, за кряжем.

Я не стала говорить, что сыскали, и сколько раз — не перечить. Мама прятала меня в погребе, однажды сунула в руку пучок морковки, которую сорвала, пока мы бежали. Не вылезай ни в коем случае, пока я за тобой не приду! И пихнула меня внутрь. Мне она сказала, когда еще могла говорить, чтобы я про Войну ни гу-гу. Неважно, кто победил, не дело рассказывать обо всем, что было. Я знала, что сторонники рабства проиграли, противники победили, и все вернулись разбитыми и неприкаянными.

Эта лачуга, сказал Папа, вдали от глаз. Смотреть не на что, зато в лесу, и подъем крутой. Ровной земли нет, ничего не посадишь. Не понимаю, как вы справлялись.

У Мама огород был немаленький, сказала я, отдельными грядками, тут и там. Две коровы, кур держали побольше, соседки на обмен разное приносили. Дервля на телеге в город ездила, торговала своими вытяжками и кореньями.

Велено ж тебе эту не поминать, сказал Папа.

Я просто о том, что Мама была не такой, как сейчас.

Это точно, сказал он. Да. Бывает, что напряжение спадет, тут человек и в клочья. Хорошо, что я вовремя появился.

Стоны катящейся повозки вгоняли в дрему. Как ни пыталась, я не могла вспомнить, когда он пришел домой. Помнила, что был какой-то праздничный пикник у церкви, флаги на деревьях, флейта и барабан, может,

именно по этому поводу. Нет, не оно. Мы после его возвращения к церкви и близко не подходили.

Тебе кое-что знать нужно, сказал он. Девочка, пока месячные не придут, не может забрюхатеть. Женщина, пока грудью кормит, не может забрюхатеть. Мисс Дженет не забрюхатеет.

Так забрюхатела же, сказала я. Пока еще парнишку кормила.

Парнишка уже садился. Полгода ему было. Тогда много времени прошло. Сейчас мало. Мелкие еще когда сядут.

Я ничего не ответила, только посмотрела вперед, где дорога делала поворот.

Хорош парнишка, сказал он и рассмеялся. Этакий горный козлик. Мальй еще — а как ходит и как рассуждает. Этот уж точно мой.

Мы все твои, сказала я.

Вдали показалась рощица, длинная, будто сгрудилась целая толпа. Потом, как мы подъехали, деревья распрямились и встали по обе стороны дороги.

Он протянул мне губную гармошку из кармана. Сыграй чего поспокойней, сказал он.

Я сыграла «Кэмптонские скачки»*, медленно, будто гимн, и чтоб только нам было слышно.

Оставь гармошку себе, сказал он. Ты лучше многих играешь.

---

* «Кэмптонские скачки» (англ. «Camptown Races») — народная песня американского композитора Стивена Фостера (1826–1864). — *Прим. ред.*

Мы уже довольно давно спустились с горы в долину. По бокам росли ивы, стояли плотными рядами, свесив щупальца-ветки. Пошла низина, сзади тянулись выжженные поля.

Облака поднялись повыше, как дело пошло к рассвету. Звезды потускнели, кроме одной-другой. Маме будет ох как одиноко. Некому будет слушать, как она произносит мое имя и другие слова, которые у нее время от времени вылетали, — я же уеду. Вот собирались бы без спешки, я б захватила ее книги, чтобы напоминали о доме. Она говорила, что в *это место* их привезли в переметных сумках. Впрочем, Мамины книги были и моими книгами, я на каждой написала *КонаЛи* и в уме составила список:

Мои буквари и хрестоматии Макгаффи раньше были ее.

Словарь мистера Ноя Уэбстера. Открываешь страницу, выбираешь слово с закрытыми глазами.

Наша Библия.

«Мифы древнего мира», Минотавр и Циклоп, один мается в темных пещерах, другой ослеп на единственный глаз.

«Дети воды. Волшебная сказка для земных детей», стрекозы, прыгучая форель и малыш Том.

Мой Вордсворт.

Мой Теннисон.

Моя «История Американских Штатов».

«Оливер Твист» мистера Чарльза Диккенса.

«Рождественская песнь в прозе. Святочный рассказ с привидениями» тоже мистера Диккенса. Мы на Новый год каждый раз разыгрывали ее по ролям, а Дервла была зрителем.

«Басни Эзопа».

«Сонеты» Шекспира. Мама некоторые знала наизусть, научила меня читать трудные слова.

«Всемирная география».

«Рассказы о созвездиях».

Звезды погасли. Дервла часто говорила, что видит меня с их помощью. Я играла на губной гармошке — не звуки, а выдохи, — а глаза закрыла. Вскоре между звуками появились тихие трели, а потом они стали голосом воды. На мосту, под нами, журчала струя. Воздух кружился, как ласточки, вылетев из норок. Папа остановился прямо на дальнем берегу, наполнить фляжки и напоить лошадь из торбы. Вода протекала насквозь, кобыла нагнула голову, чтобы успеть напиться, пока все не вылилось. Он обливал ее водой, пока грива не намочила и не легла плоско, огладил бока, сдвинув сбрую и повод. В животных он понимал и со всеми обращался одинаково,

с силой и уверенностью — что курице скручивал голову, что выманивал лошадь из канавы. Мог присвистнуть, изредка посмотреть одобрительно, а руки все равно тебе говорили, куда идти. Я подошла к воде под мостом, чтобы умыться, попить и справить нужду, где ему не видно. Подумала, приведу-ка Маму и поддерну ей юбки, пусть тоже все сделает укромно. Поток был шумным и свежим, вода журчала, точно колокольчик звонил под мостом, это мог быть звон ее колокольчика, это ее слово, и поблизости никого. Вот бы нам тут и поселиться, тихо и укромно, как русалки, которые живут в прудах и среди камней.

Но когда я вернулась, он уже высадил ее из повозки. Стянул ей панталоны. Он уже наловчился прислоняться к стене или перилам, а теперь вот к повозке, и крепко ее удерживать, задрал ей одежды на голову. Закупоривал ее в слепом мешке, застопорив ей вскинутые руки. Выгибал ее перед собой, точно кувшин носиком вперед; он всегда так ее ставил, когда она при нем мочилась — или он решал, что ей надо. Ляжки у нее были совсем белые и бледные, живот так и висел складкой после близнецов. Он на нее смотрел, пока ей было не двинуться, потом плюнул в ладонь, чтобы ее подтереть.

Я бы ее могла к речке сводить, сказала я.

И всю одежду в грязи б перемазала? Шелка вон какие дорогие.

Она знала, что делать, когда я ее отводила в нужник или сажала на горшок у кровати. Весь дом был из одной

большой комнаты. Он мне что днем, что ночью говорил, что стыдно, когда не смотреть, но про это никогда не говорил, что оно, мол, стыдно, делал при мне, окликал, если я отворачивалась.

Вот и сейчас окликнул. Иди, панталоны ей подтяни.

Смотрел, как я их поправляю, потом поставил ее на ноги. Опустил все юбки слой за слоем, она опустила руки, схватилась за грудь. У нее, верно, снова набрякло или скоро набрякнет, она оглядывалась по сторонам.

Едем дальше, сказал Папа. Подсади ее назад и смотри, чтобы юбка не запыхалась. Сама со мной сядешь.

• • •

На второй день в сумерки я увидела огни города, но заранее поняла, что он через него не поедет. Он отыскивал проселки и колеи через поля, у него были с собой кусачки резать колючую проволоку. Потом он ее закручивал обратно, чтобы не заметили. Любил рассуждать обо всем, что умеет. Как хорониться, чтобы тебе было видно, а тебя нет. Какие листья и корни можно есть, пока хоришься. Как ловить рыбу на погнутую булавку и стебель камыша, наживив белую личинку, какие копошатся под камнями. Как выглядывать норы, где звери прячутся. Как ставить силки из молодых веточек, такие тонкие даже ребенок согнет, а заострить их можно так, что глубоко врезаются в тело. Как находить Полярную звезду. Жить нужно не в городе, а в деревне, затаившись, где людей

мало. Как вот мы у себя на кряже. Надо думать, он же нас там и поселил, так что знал потом, где искать.

А это что за город? — спросила я. Там, между холмов.

Еще не Уэстон, ответил он. Еще не на месте. Этот обогнем.

Ты всегда знаешь дорогу.

Куда ехать знаю, сказал он. Бывал тут раньше. Даже и в Уэстоне бывал, еще в шестьдесят четвертом, с налетчиками Уитчера. Лечебницу тогда еще не достроили, но она уже походила на замок. Тогда в нем юнионисты стояли лагерем, только ноги унесли. Мы забрали там все одеяла и обчистили кладовую. Южане тогда питались корой, ну и что удавалось подтибрить. Ну-ка, подержи вожжи. Дай мне гармошку.

Лошадь пошла дальше. Папа откинулся назад, надвинул шляпу, заиграл.

Потом затих. Задремал. «Закемарил на ходу» — так он это называл, — чтобы не свалиться во время переходов. Между сном и явью, так он говорил. Я правила и будто была одна. Мы ехали по сосняку, деревья стояли так близко, что с ветвей долетал запах иголок. На меня глянула большая сова, моргнула круглыми оранжевыми глазами. Огромными-преогромными. Веки помельтешили и снова открылись. Сова вытянулась, распушила вдвое белую грудь, раскрыла острый клюв. Оттуда выскочил язычок, но эхо, похоже, доносилось отовсюду. Потом она расправила и снова сложила большие крылья, загребла воздух, точно воду. Пролетела у меня над

головой и скрылась. Я заметила, что белые перья все в черных крапинках.

Папа очнулся. Что это было?

Сова, ответила я. Вылетела из-за деревьев прямо на нас.

Неясыть, что ли?

Может быть.

Он взял поводья. А может, сипуха. Говорят, добрый знак. Ты сипух не видала, они в амбарах живут, а где ты, где амбар.

А ты?

Я что?

У тебя разве был свой амбар?

Конечно, и не один. Это у вас с Мамой в жизни их не водилось.

Он цыкнул языком на лошадь, щелкнул вожжами, и она пошла быстрее.

Я думала о том, что тут вокруг ни одного амбара, а имя и поменять недолго. Маму он назвал, как ему захотелось — сперва Миссис, а потом — мисс Дженет. И мое имя произносил неправильно, Коннолли вместо КонаЛи. Но сове неважно, как ее зовут. Она живет на воле, может, даже на этих самых соснах, охотится в лесу на мышей, ест птичьи яйца. Папа этого не знал. Он не видел сову, не чувствовал ее взгляда.

Скоро приедем? — спросила я.

Скоро, ответил он. А чуть позже велел мне перелезть к ней и выцедить молоко, аккуратно, чтобы одежду

не испачкать. Я перелезла с сиденья назад, легла с ней рядом. Она меня всегда узнавала, когда мы были наедине, вот и сейчас положила мне руки на плечи, чтобы я ей распустила корсаж. Грудь была твердая, горячая. Одну грудь я обложила тряпками, на другую слегка надавила. По лицу хлестнули голубые ниточки молока. Я свернула чашечкой мешок из-под муки, плотно к ней прижала. Сделала все быстро, уже наловчилась. Потом еще долго чувствовала липкое и сладкое на щеке и закрыла ее ладонью, когда она притянула меня к себе. Я заснула голодной и слышала, как вдалеке плачут дитенки, видно, нам теперь до конца дней слушать их плач.

• • •

Как рассвело, мы остановились, я села. Папа застопорил повозку на широком проселке. Сбоку проходила железная дорога, дальше ручеек, а за ним начинались городские задворки. С другой стороны зеленел красивый газон. Посыпанная гравием аллея уходила далеко вперед к замку, и каменные стены, высотой в четыре или пять этажей, тянулись по обе стороны, сколько я видела. На участке были и другие дорожки, они пересекались, но самая широкая вела прямо к огромной входной двери. Примерно на полпути был участок земли с фонтаном и небольшим прудом посередине, вокруг расставлены скамейки. Потом аллея вела к каменной лестнице и дверям-аркам в стене здания. Там вроде как должно было

быть еще много дверей, потому что дальше тянулись длинные флигели и окон было не сосчитать, над крышей маленькие купола, но дверь была всего одна, хотя я таких больших еще не видела, с овальными окошками из свинцового стекла по обе стороны, а сверху пирамида фрамуги, такая же. Широкие дворцовые двери для принца или принцессы. Было тихо. Небо розовело. Только рассвело, и каменные стены выглядели скорее голубыми, чем серыми. Была еще часовая башня, а над нею шпиль, будто церковный. Без креста, только с острием.

Говорил я тебе? Двести футов высотой.

Прямо чудо, сказала я.

Он дал мне круглое зеркальце размером с мою ладонь. Оправься, сказал. Глаза сонные протри. Разбуди ее, и чтоб выглядела как надо. Волосы убраны, юбки не задираются. И зеркало верни. Оно у меня с тех пор, как я попал в эти края, — можно сказать, талисман.

Она, увидев, что мы смотрим, поднялась. Он тоже поднялся и стал затягивать ей корсаж. Потом встряхнул юбки, застегнул пряжки на талии, чтобы было видно фигуру. Она сделалась как песочные часы, грудь большая, талия осиная, юбки опали вниз по кругу.

Я повернулась посмотреть, где она теперь будет. Ворот не было, входи когда хочешь. Надпись медными буквами: «Лечебница для душевнобольных “Транс-Аллегейни”». Ни шороха — ни внутри, ни снаружи.

Это не для приبلуд всяких, сказал Папа. Для приличных людей. Она, пока молчит, вполне сойдет за приличную.

Она не душевнобольная, сказала я. Она мне, бывает, слова говорит.

Слова? Они тут сразу поймут, что ей нужны отдых и лечение. В таких местах лечить умеют. Он зыркнул на меня. Давай, шевелись, сказал он. Помоги ей. Приличной даме полагается помощь.

Я слезла, все сжимая зеркала в руке. Он передал мне ковровый саквояж, я потянулась к ее руке. Он придерживал ее за локоть, пока она не спустилась. Встала со мной рядом, застыла как лань, прислушалась. Не к нему, а к камням здания, которое тянулось вверх и вперед и растопыривалось в обе стороны. Над камнем кое-где висели клочья тумана, над куполами и пустыми окнами, над высокими соснами и дубами, над скамейками, где никого.

Отвести ее внутрь? — спросила я.

Без тебя она не пойдет, сказал он. Потом сел поудобнее, отложил вожжи и впери в меня взгляд. Коннолли, сказал он. Сколько тебе лет?

Должен бы сам знать, но я ему сказала. В конце декабря тринадцать исполнится. Родилась, когда ты уже уехал.

Родилась в шестьдесят первом году, когда обе стороны собирали армии. Рослая для своих лет, но больно тощая. На такую костлявую мужик не позарится. Я уж подумывал. Но ты останешься с ней.

Здесь?

Тут крыша есть. Там ничего не осталось. Все роздано. Роздано?

Ты меня слушаешь?

Да, сэръ, сказала я, потому что он любил такое обращение.

Он подался вперед и протянул ко мне палец, палец уперся в горло, туда, где мелкая косточка. Тогда слушай, сказал он. Никакой я тебе не Папа и никогда им не был. Я в жисть не видал ни тебя, ни твою маму, пока на вас не наткнулся, и имени моего ты не знаешь.

Это было правдой. Она никогда не звала его по имени. Просто он с самого начала велел называть себя Папой, а она не возражала.

Женщине с больной головой троих мелких не поднять, сказал он, да еще без коровы и без мужика, с одною тобой в помощниках. Я ей помочь не могу, потому как все равно к ней полезу, если останусь.

Я переглотнула, палец его уперся крепче. Я думала захрипеть, но только задержала дыхание.

Так что меня не ищи, сказал он, и не говори никому, откуда вы. Я вас сюда подвез по доброте душевной. Вы шли по дороге, я увидел приличную женщину, которой помощь нужна, и привез вас сюда. Мне по пути было. Повтори.

Ты привез нас сюда, сказала я. Тебе было по пути.

Молоко у нее уйдет через неделю. До тех пор следи, чтоб не заметили. Знаешь, что делать. Мисс Дженет приличная женщина, без родных и без иждивенцев. Ты ей не родня, ты служанка. Тебе, кроме как быть при ней, деваться некуда. Если погонят, скажешь, у тебя припадки.

У меня нет припадков.

Есть, и они это скоро заметят. Ты огни видишь. Больше никто не видит огней. Скажи, чтоб тебе комнату дали с ней рядом, чтоб она не психовала. Через коридор или через стену. Ни с кем не спорь и не препирайся, а то вас разлучат.

Сэр? — сказала я.

Времена трудные, сказал он и дернул вожжи. Расскажешь все как надо.

Повозка уже двинулась, и эти слова прилетели назад вместе с пылью.